

ОБЛАЧНОЕ ПЕРО

云之羽

Пройти до конца
мой путь к тебе...

18+

Гу Сяошэн

Гу Сяошэн
Облачное перо. Том 2
Серия «Freedom. Китай в
дорамах. Облачное перо», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74437921
ISBN 978-5-04-253693-9

Аннотация

Двор Гунмэнь охвачен тревогой, а за внешним спокойствием таится смертельная опасность. Враги уже проникли в самое сердце клана, и теперь каждый шаг может стать роковым.

Юнь Вэйшань все глубже запутывается в собственной лжи. Прибыв в Гунмэнь с тайной миссией, она должна была оставаться хладнокровной и помнить, что чувства лишь мешают делу. Но рядом с Гун Цзыюем маски начинают трескаться, и все сложнее становится исполнить долг.

Среди холодных залов, клинков, скрытого оружия и древних секретов героям предстоит решить, чему верить – приказу, крови или собственному сердцу. И когда буря наконец разразится, уже никто не сможет выйти из нее прежним.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гу Сяошэн

Облачное перо. Том 2

###

1### VOLUME 2

Copyright © Gu Xiaosheng

#####

This edition is published by EKSMO Publishing House arrangement with Beijing United Creadion Culture Media Co., LTD through the agency of Tianjin Mengchen Cultural Communication Group Co., Ltd.

##

#EKSMO #####

Иллюстрация на обложке Soll

© А. Атарова, перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

В павильоне Цзюэ стояла мрачная тишина; под карнизами беззвучно кружился темный снег. Шаг за шагом Шангуань Цянь подошла к окну и сквозь створки посмотрела на Гун Шанцзюэ, молча сидевшего в комнате.

Второй господин Гун, всегда расчетливый и дальновидный, потерпел поражение от госпожи Уцзи, и было бы ложью сказать, что он не расстроился. Шангуань Цянь чувствовала, что именно сейчас он нуждался в утешении сильнее всего. Но расстояние и мера этого утешения должны быть выверены: несколько обеспокоенных взглядов из-за окна подойдут лучше всего.

В этот миг на холодном, суровом лице Гун Шанцзюэ отражалась редкая мягкость. Неподвижно сидя в кресле, он разглядывал носовой платок с вышитым тигром, погруженный в воспоминания.

* * *

В тот год госпожа Лин была на восьмом месяце беременности и в своих покоях шила нагрудник для младенца. Ему же тогда было семь, и он сидел рядом с матерью. Госпожа Лин взяла два образца вышивки с тигренком и с зайчонком

и предложила ему выбрать.

Она тихо спросила: «Какой тебе больше нравится?»

Он поднял глаза на мать и ответил: «Тигренок».

Госпожа Лин погладила свой живот и радостно улыбнулась, а он улыбнулся вместе с ней.

Она потрепала его по голове со словами: «Ты скоро станешь старшим братом и должен заботиться о младшем».

Он кивнул и громко выпалил: «Разумеется!»

* * *

Позже, когда ему исполнилось четырнадцать, он упражнялся во дворе, его семилетний младший брат Гун Ланцзюэ подбежал к нему, и он тотчас остановил движение.

Ланцзюэ указал на короткий меч у него на поясе: «Брат, я тоже хочу обучаться владеть мечом».

Он покачал головой, подражая тону старших: «Ты еще мал, поранишься».

«Брат, брат... но этот клинок такой красивый...»

Ничего не поделаешь – он вытащил меч из ножен и отдал младшему брату поиграть. На его лице играла улыбка, полная любви и нежности.

Наблюдая за Гун Шанцзюэ, Шангуань Цянь вдруг почувствовала, что и на нее кто-то смотрит. Она обернулась, спустилась по лестнице и увидела Гун Юаньчжи, стоящего во дворе.

Приподняв краешки губ, Шангуань Цянь спросила:

– Почему ты еще не ушел?

– Это мой дом. Почему я должен уходить? – по какой-то причине обычно уверенный в себе Гун Юаньчжи звучал сейчас не так твердо, а в его голосе сквозила детская обида.

– Тогда... почему молодой господин Цзюэ так зачарованно смотрит на этот платок с тигром? – прямо спросила она. Интуиция подсказывала ей, что эта вышивка – слабое место Гун Юаньчжи.

– Это его младшего брата...

– Того самого «брата Лана», о котором говорил молодой господин Чжи?

Гун Юаньчжи нахмурился:

– Почему ты все время подслушиваешь наши разговоры? Делать нечего, кроме как к стенам прижиматься?

Ничуть не смущенная этим, Шангуань Цянь, напротив, нарочито кивнула:

– Тогда и тебе стоит спросить себя, не слишком ли часто ты заходишь в павильон Цзюэ. Неужто в павильоне Чжи

тебе так неудобно? Для меня искать будущего мужа – дело вполне естественное, а вот ты без конца цепляешься за старшего брата. Ты уже почти взрослый, не пора ли задуматься о женитьбе?

Гун Юаньчжи поперхнулся воздухом и тут же выпалил:

– Не лезь не в свое дело!

– Ничего, если ты мне не скажешь, я сама у него спрошу.

– Не смей спрашивать! Спросишь и только расстроишь брата болезненными воспоминаниями... – в голосе Гун Юаньчжи скользнула редкая для него нерешительность, и он странно смягчился.

– Почему же болезненными?

Помедлив, Гун Юаньчжи все же проговорил:

– У брата был родной младший брат... которого он очень любил...

– Разве не ты самый любимый младший брат молодого господина Цзюэ?

Между бровей Гун Юаньчжи пролегла складка. Впервые Шангуань Цянь увидела на лице этого вспыльчивого юноши тень хрупкости и печали:

– В сердце брата никто не сравнится с братом Ланом.

– Почему же я ни разу не видела брата Лана?

Лицо Гун Юаньчжи исказилось от гнева и боли:

– Потому что десять лет назад его и госпожу Лин убила секта Уфэн.

Шангуань Цянь пораженно замолчала.

Гун Юаньчжи пришел в себя, и его голос снова посуровел:
– В общем, не суйся и не расспрашивай.

* * *

Гун Цзышан закончила свои эксперименты с оружием и вернулась в павильон Шан. Еще не войдя во двор, она услышала крики и подумала, что, видимо, это веселится ее сводный брат Гун Цзиньшан.

И в самом деле: едва она зашла в ворота, как семи-восемилетний мальчик выскочил навстречу, размахивая погремушкой, а за ним гурьбой бежали служанки.

– Юный господин Цзиньшан, помедленнее!

Не успели они договорить, как Гун Цзиньшан споткнулся о ногу Гун Цзышан, и та вскрикнула от боли.

Мальчик упал, погремушка покатилась по земле. Служанки побледнели, бросились его поднимать и встревоженно осматривать, причитая:

– Юный господин, вы не ушиблись?

Гун Цзышан подняла погремушку, отряхнула и с улыбкой протянула брату. Убедившись, что тот не пострадал, служанка лишь мельком взглянула на Гун Цзышан и небрежно поклонилась:

– Глава павильона.

Гун Цзиньшан вырвал у нее погремушку с криком:

– Воровка! Отдай!

– Но ведь это ты на меня налетел, – изначально Гун Цзышан не хотела спорить с ребенком, но, увидев отношение служанок, сразу поняла: его мать опять оговорила ее перед отцом, и тот, должно быть, снова публично выразил недовольство ею. Она присела на корточки, чтобы заглянуть брату в глаза: – И потом, я твоя старшая сестра. Нельзя быть со мной таким невежливым.

Гун Цзиньшан фыркнул:

– Тьфу, ты мне не сестра. Мама терпеть тебя не может.

Гун Цзышан на мгновение лишилась дара речи, а затем добавила:

– Твоя мама – не моя мама... но отец у нас один. Значит, мы все равно брат и сестра.

Гун Цзиньшан надул губы:

– Но отец говорил, что тоже не любит тебя!

Гун Цзышан почувствовала укол боли в сердце и промолчала.

Служанки поспешили увести мальчика, который, уходя, не прекращал бормотать:

– Какая из нее глава павильона? Я глава павильона Шан! Отец сказал: когда я вырасту, ей придется вернуть мне место главы! Хм!

Вдруг по неизвестной причине у него подогнулись колени, он снова упал и громко разрыдался.

Служанки перепугались, подхватили его, принимаясь утешать:

– Ай-я, юный господин, не плачьте, мы сейчас же отнесем вас в лечебницу...

Рядом с Гун Цзышан неожиданно появился слуга в черном – Сяо Хэй. Глаза его странно блестели, а на губах играла лукавая усмешка.

– Старшая барышня довольна? – спросил он.

– Чем довольна? – растерялась Гун Цзышан.

Сяо Хэй указал туда, куда унесли Гун Цзиньшана:

– Я заставил его встать на колени и извиниться.

Гун Цзышан тут же все поняла, прикрыла рот ладонью и рассмеялась:

– Так это ты устроил? – Девушка тихо вздохнула и похлопала его по плечу. – Хорошо, что ты у меня есть, Сяо Хэй.

Тот же воспользовался случаем и принялся жаловаться:

– А как же, я всегда думаю о том, как услужить старшей барышне. Только вы в последнее время обо мне забыли, даже исследования со мной не проводите. Ай-я, все бегаєте за тем мужчиной... как его там, Цзинь Фань, да? Хе-хе, я его запомнил.

Гун Цзышан развела руками:

– Ты же сам видел: хотя я отвечаю за дела павильона Шан, никто не воспринимает меня всерьез. Даже если я изобрету оружие лучше и сильнее, какой в этом смысл? Отец все равно не посмотрит на меня лишний раз... Лучше уж быть доброй к Цзинь Фаню, по крайней мере, он искренен со мной...

Сяо Хэй пожал плечами:

– Правда? Я не заметил. Я только вижу, как вы без устали его преследуете.

Гун Цзышан вздохнула и вспомнила, как однажды заболела и лежала на кушетке в мастерской, мучаясь от жара.

* * *

Тогда она беспокойно спала, постоянно просыпаясь и кашляя, а ее голос был очень хриплым. Цзинь Фань спустился по задней лестнице со второго этажа, неся корзину с фруктами и говоря на ходу: «Старшая молодая госпожа, молодой господин Юй сказал, что это горные груши этого года. Он знает, что вы их любите, и велел передать вам корзину».

Спустившись, он обнаружил ее на кушетке и пораженно застыл, а потом приложил ладонь к ее лбу и нахмурился: «У вас такой жар, а никто не присматривает за вами? Где все слуги?»

Она была слишком слаба, чтобы ответить, лишь кашлянула.

Не заботясь о приличиях, Цзинь Фань поднял ее на руки и поспешил к лекарю: «Я отнесу старшую госпожу в лечебницу!»

Лежа в объятиях Цзинь Фаня, она уставилась на его встревоженное лицо и почувствовала, как дрогнуло ее сердце.

Вернув ее из лечебницы, Цзинь Фань еще сбегал за лекарством. Она взглянула на черный отвар, почувствовала его

горький запах и поморщилась.

«На самом деле я уже выздоровела».

Цзинь Фань подвинул чашу к ней: «Меньше слов, пейте лекарство».

«Прошу извинить, просьба отклонена».

«Не вам распоряжаться».

«Ах, как тяжела моя доля...» – проговорила она и скрестила руки на груди.

«Разве вы не должны закрыть рот? А вы что прикрываете?»

Она тут же сменила позу: одной рукой зажала рот, другой – прикрыла грудь.

Цзинь Фань вздохнул: «Тогда подождите немного».

Достав маленький нож, он очень быстро срезал верхушку груши, очистил ее от кожуры и вынул сердцевину. Тончайшая кожура легла длинной лентой, а нежная белоснежная мякоть напоминала нефрит. Он сделал из груши чашу, и в воздухе повис сладкий аромат. Затем Цзинь Фань перелил лекарственный отвар в импровизированную чашу и подал ей: «Хотите съесть свои любимые горные груши? Тогда заодно выпейте и лекарство...»

Она была глубоко тронута изобретательностью и заботой Цзинь Фаня. Сделав глоток, она улыбнулась ему: «Горечь с привкусом сладости, сладость с привкусом горечи... Вот, значит, о какой сладко-горькой любви пишут в романах, вот он аромат привязанности...»

Цзинь Фань нахмурился и тут же выпрямился: «До свидания!»

* * *

Гун Цзышан очнулась от воспоминаний и махнула Сяо Хэю рукой:

– Ай-я, ты еще молод, разве можно объяснить чувства между мужчиной и женщиной в двух словах...

– Опять несете чепуху, я ведь, очевидно, взрослее вас.

– Взрослее меня ты только смелостью, а в остальном? Ты лишь кухонный служака, который тайком бежит сюда. Если тебя поймают, тебе конец.

– Раз уж вы так долго ко мне не приходили, пришлось мне самому прийти к вам, – ничуть не смутился Сяо Хэй.

Гун Цзышан махнула рукой и тяжело вздохнула:

– В последнее время в Гунмэнь царит полный хаос. Столько страшного произошло, я и напугана, и потрясена, и раздражена.

Сяо Хэй посерьезнел:

– Тогда расскажите мне, и я помогу вам прийти в себя.

Гун Цзышан огляделась, убеждаясь, что вокруг никого нет, а затем кивнула, поставила одну ногу на бортик цветника и, точно старик, потягивающий мышцы, наклонилась вперед со словами:

– Хорошо, потянемся и поболтаем.

Сяо Хэй потерял дар речи. Но затем тоже потянулся, последовав ее примеру.

– Дело вот в чем...

* * *

Сумерки сгущались, и в павильоне Юй слуги уже зажигали фонари во дворе. Сквозь тонкие занавески те сначала вспыхивали оранжево-красным, а затем разливалось серебристо-желтое сияние, разгорающееся все ярче.

С тех пор как Гун Цзыюй постиг суть техники меча, он стал тренироваться еще усерднее. Закончив очередной комплекс движений, он по привычке погладил лисий хвост у себя на поясе и задумался.

Неподалеку в сумерках неподвижно застыл Цзинь Фань с мечом в руке. Он стоял спиной к Гун Цзыюю, охватывая взглядом все вокруг и прислушиваясь к свисту клинка. Он отчетливо ощущал стремительный рост внутренней силы Цзыюя – пока тот не вложил длинный меч в ножны и лезвие не отозвалось звоном.

Гун Цзыюй некоторое время смотрел на его спину и вдруг позвал:

– Цзинь Фань.

Тот медленно обернулся:

– Владыка клинка.

– Молодой господин Сюэ рассказал мне, что прежде ты

был Рубиновым стражем.

После мгновения изумления Цзинь Фань вновь принял бесстрастный вид и опустил взгляд вниз:

– Все это в прошлом.

Ночь сгущалась, фонари мерцали. Цзинь Фань молчал, но в памяти невольно всплывали прежние дни.

* * *

В тот год его перевели с заднего склона горы в павильон Юй.

Гун Хуньюй посмотрел на него: «Цзинь Фань, с сегодняшнего дня ты официально станешь Нефритовым стражем переднего склона».

Он кивнул: «Да, Владыка клинка. Старейшины уже заставили меня принести клятву больше никогда не ступать на задний склон».

Гун Хуньюй тихо вздохнул, и в этом вздохе прозвучали и сожаление, и доверие: «Ты не жалеешь, что отказался от почетного звания Рубинового стража, чтобы стать личным телохранителем моего сына Юя?»

«Не жалею. Я с детства был сиротой, скитался без пристанища. Именно секта Гунмэнь дала мне место, которое я могу назвать домом. Будь то Рубиновый или Нефритовый страж, я все равно служу клану Гун».

«Хорошо. Я не ошибся в тебе. Тогда я также попрошу тебя

дать клятву. Ты согласен?»

Он поднял руку: «Цзинь Фань клянется, что посвятит свою жизнь защите молодого господина Юя, даже если умру, не отступлю...»

* * *

Цзинь Фань быстро вернулся к настоящему и вновь взглянул на Гун Цзыюя. Он почувствовал, как в сердце разлилось тепло: оно того стоило. Он не предал клятвы, а Цзыюй не подвел его ожиданий. Более того, в миг, когда тот взмахнул мечом, он увидел в нем тень прежнего Владыки клинка.

Гун Цзыюй благодарно посмотрел на Цзинь Фаня:

– Я всегда держал обиду на отца...

– Хорошо, что недоразумение прояснилось. Владыка клинка всегда возлагал на вас большие надежды. Не разочаруйте его. Пройдите испытания Трех пределов и укрепите свое положение. Гунмэнь нуждается в вас.

– Обязательно, – серьезно ответил Гун Цзыюй. – Я пойду в комнату изучать карту Гунмэнь.

В личных покоях он подошел к письменному столу и внимательно изучил разложенную карту поместья. С тех пор как Гун Цзыюя назначили Владыкой клинка, изучение карты стало его привычкой. Он вдруг понял, что плохо знаком с Гунмэнь, и с помощью этого хотел осмыслить возложенную ответственность, упорядочить мысли, отличить верных

от коварных и взять ситуацию под контроль.

Двери открылись, и вошла Юнь Вэйшань с чайником и тарелкой изысканных сладостей.

Улыбка расплзлась по губам Гун Цзыюя и наполнила его глаза светом.

– Барышня Юнь, что привело тебя?

– Слуги сказали, что молодой господин почти ничего не съел за ужином. Я подумала, вдруг вы голодны, приготовила немного сладостей и заварила чай, чтобы успокоить нервы, – ответила Юнь Вэйшань, подходя к столу. – Я хотела взять в лечебнице несколько успокаивающих трав, но с тех пор как в Гунмэнь ввели военное положение, молодой господин Чжи сильно ограничил выдачу трав. Поэтому пришлось взять то, что есть на кухне, и заварить несколько цветков акации¹.

Она собиралась поставить поднос, но мельком заметила разложенную карту. Не успела она взглянуться, как Гун Цзыюй забрал поднос из ее рук и потянул к столу.

– Не хлопочи. Иди сюда, поешь со мной, поболтай.

Послушно усевшись, Юнь Вэйшань сначала расставила пиалы и налила Гун Цзыюю чай, внимательно наблюдая за его выражением лица:

– Молодой господин все еще думает о госпоже Лань?

– С детства я считал, что проницателен и понимаю людей,

¹ ### – высушенные соцветия акации (*Flos Albiziae*). В традиционной китайской медицине применяются как средство, успокаивающее и облегчающее умственное угнетение.

но так и не постиг сердца собственных родителей... и моего покойного старшего брата. Кажется, я никогда по-настоящему их не знал. Как и эта карта Гунмэнь, — я вырос внутри поместья и думал, что видел все его уголки, но на самом деле не знаком с ним...

— Вы внезапно потеряли отца и брата, стали Владыкой клинка и должны в короткий срок пройти испытания Трех пределов, а в секте одно за другим совершаются кровавые преступления. Естественно, что давление на вас огромно, — мягко сказала она.

— Как бы ни было оно огромно, я не могу говорить об усталости, не могу жаловаться, не могу позволить увидеть свою слабость. Иначе те, кто прячется в тени, воспользуются этим. — Слова Гун Цзыюя были горькими, но голос — спокойным и твердым.

* * *

Тем временем в покоях Гун Шанцзюэ по-прежнему было темно. Он не зажигал свет и в одиночестве сидел в углу, окутанный тенями, лишь его глаза ярко блестели в свете луны. Он был подобен лесному филину, высоко сидящему на ветке, зорко отслеживающему добычу и одновременно прислушивающемуся к малейшим колебаниям собственного сердца. Госпожа Уцзи, Гун Цзыюй, Цзинь Фань, Юнь Вэйшань,

Шангуань Цянь... – словно фигуры сянци², они поочередно вспыхивали в его мыслях.

Внезапная досада охватила его. Гун Шанцзюэ содрогнулся, больше не в силах сдерживать свои эмоции: с госпожой Уцзи он был слишком наивен и действительно просчитался, доверившись ей. И все же ему казалось, что где-то есть несоответствие – но он не мог его обнаружить и оттого чувствовал еще большее бессилие и беспомощность. Он схватил чайную пиалу и в ярости швырнул ее об пол, фарфор со звоном разлетелся вдребезги.

* * *

В павильоне Юй Юнь Вэйшань и Гун Цзыюй сидели друг напротив друга. Он пил чай и ел сладости, наслаждаясь поздним перекусом, точно ребенок. Увлечшись, он даже начинал тихонько чавкать, но каждый раз тут же прекращал и смущенно поглядывал на нее.

– Молодой господин может поделиться со мной своими заботами и усталостью. Я, может, косноязычна и не умею утешать, но могу тихо выслушать... или напеть вам мелодию.

Гун Цзыюй вдруг рассмеялся:

– И ты еще называешь себя косноязычной? Да ты остра на язык! Но даже будь ты цветком, понимающим слова³, я все

² Китайские шахматы.

³ ### – *обр.* о глупенькой и молчаливой красавице.

равно не хотел бы добавлять тебе тревог.

Юнь Вэйшань склонила голову:

– Молодой господин сам назвал меня цветком, так разве цветы устают от чужих тревог?

Гун Цзыюй улыбнулся ее шутке:

– Ты не понимаешь: уход за цветами – настоящее искусство. Если только жаловаться им, они не смогут пышно расцвести.

– Правда?

– Конечно. Если все время говорить дурные слова стакану воды, даже та помутнеет.

– Неправда...

– Я не обманываю тебя. Вот и с цветами так же.

– Тогда что нужно говорить цветам?

– Хвалить их за красоту, разумность и хорошее поведение. Говорить, что они чутки, что их глаза подобны звездам...

– У цветов нет глаз...

Гун Цзыюй, опустив голову к сладостям, тихо пробормотал:

– А я и не про цветы...

Юнь Вэйшань поняла, что «цветок» – это она, и слегка покраснела. В тот же миг знакомый жар вспыхнул в груди – жгучая боль из-за Полумесячной мухи внутри нее.

Гун Цзыюй лишь подумал, что она смутилась, и поддразнил:

– Почему ты так покраснела?

Юнь Вэйшань почувствовала, как все ее тело горит, сердце заколотилось, дыхание сбилось, а живот скрутила боль. Она прижала к нему руку, боясь выдать себя, и тут же поднялась.

– Уже поздно. Молодой господин, вам следует лечь пораньше.

С этими словами она поспешно вышла.

Гун Цзыюй посмотрел Юнь Вэйшань вслед и почесал лоб:

– И правда смутилась?

Услышав хлопок закрывшихся дверей, он криво усмехнулся, опустил взгляд на оставшееся пирожное и, не замечая собственной улыбки, пробормотал:

– Как сладко...

* * *

В павильоне Цзюэ Шангуань Цянь стояла у дверей покоев Гун Шанцзюэ. Она постучала и подождала, но ответа не услышала. Немного подумав, она все же толкнула створки в стороны и вошла.

Комната казалась пустой и темной, лишь лунный свет лился от открытых дверей, заставляя предметы отбрасывать смутные тени.

– Второй господин? – тихо позвала она.

Сделав два шага, она почувствовала под ногой что-то

твердое.

Шангуань Цянь наклонилась, обнаруживая осколок.

– Брось, – внезапно из темноты заговорил Гун Шанцзюэ. Голос его был холоден и глух, словно острый клинок, покрытый инеем.

Шангуань Цянь вздрогнула, и осколок рассек ей палец. Но она ничего не сказала, лишь поднялась и посмотрела в ту сторону, откуда донесся голос.

Гун Шанцзюэ сидел в кресле в углу, весь утопая во мраке. На мгновение Шангуань Цянь почудилось, что не он сидит в темноте, а сама тьма исходит от него. Он слегка подался вперед, и лунный свет осветил половину его лица.

– Зачем ты пришла?

– Слуги слышали, как что-то разбилось, но не осмелились войти, побоявшись разгневать молодого господина Цзюэ.

– А ты, значит, осмелилась?

– Мне тоже сначала было боязно, но потом я подумала: как бы ни сердился молодой господин, в покоях не должно быть пусто, кто-то же должен прислуживать. К тому же я знаю: второй господин Гун хоть и выглядит пугающим, но сердце у него мягкое.

Пока она говорила, Гун Шанцзюэ бесшумно подошел к ней. В руке у него были пузырек с лекарством и бинт.

– Протяни руку.

– Откуда господин Цзюэ узнал, что я поранилась... – еще

не договорив, Шангуань Цянь уже приподняла рукав и вытянула руку. Кровь с кончика пальца уже залила ладонь.

– По запаху, – равнодушно ответил Гун Шанцзюэ. – Я много лет странствую по цзянху и особенно чувствителен к запаху крови.

С этими словами он посыпал ее руку порошком из пудры.

– Больно... – Шангуань Цянь невольно попыталась отдернуть руку, но Гун Шанцзюэ удержал ее, не давая вырваться. Глаза ее покраснели, но она позволила ему держать себя. Он словно намеренно мучил ее, все высыпая порошок на рану, а затем туго перевязал бинтом.

– Все еще считаешь меня мягким? – с насмешкой спросил Гун Шанцзюэ.

– Это всего лишь царапина, – у Шангуань Цянь покраснели уголки глаз. – Говорят, десять пальцев связаны с сердцем: боль есть боль, о ней все равно нужно говорить.

– И что, если сказать – станет не больно? Или рана заживет без лекарства?

– Нет. Но когда я в детстве разбивала колени, матушка всегда дула на рану и мазала ее лекарством. Она говорила: «Если Цянь-Цянь больно, скажи маме». И каждый раз, услышав это, я чувствовала, что рана болит меньше. Разве плохо, когда о тебе заботятся?

Гун Шанцзюэ тихо произнес:

– Мир детей отличается от мира взрослых. В цзянху сча-

стье и славу можно показывать и делить, но про страдания и тайны не рассказывают. Люди часто смеются вместе с другими, но редко с кем плачут.

– Редко – не значит никогда, – упрямо ответила Шангуань Цянь. – Если спрятать рану глубоко в сердце, останется лишь вновь и вновь касаться ее, а оттого разве не нарастет больше шрамов?

Гун Шанцзюэ посмотрел на нее:

– Ты видела раненого зверя? Он не показывает рану другим – стоя не терпит слабых. Он лишь ищет темную пещеру, чтобы в одиночествелизывать рану и ждать выздоровления... или смерти.

– Но человек – не зверь, – глядя на второго господина Гун, перевязывавшего ее руку, Шангуань Цянь втянула холодный воздух и тихо добавила: – У зверя нет сердца, а у человека есть. Сердцу нужно пристанище. Если рядом найдется кто-то, кто станет для вас топить снег и греть вино, пусть света и жара будет немного, этого все равно достаточно, чтобы пережить зиму в душе.

– Не каждый, кто в твоём сердце, станет греть для тебя кувшин вина. Может статься, он оставит на нем новую рану. – Закончив перевязку, Гун Шанцзюэ отпустил ее руку. – Завтра сходи в лечебницу.

– Это пустяковая царапина. – Сердце Шангуань Цянь наполнилось радостью.

– Я не об этом, – медленно сказал Гун Шанцзюэ.

– А?

– Твоя рука слишком горячая, не как у здорового человека. Ты либо больна, либо отравлена.

Шангуань Цянь на мгновение застыла; выражение ее лица чуть изменилось, но затем вновь стало нежным и мягким:

– Несколько дней назад я простудилась, и до сих пор остался небольшой жар.

– Лекарство принимала?

– Нет. С тех пор как старейшина Юэ был убит, для входа в лечебницу требуется личное разрешение молодого господина Чжи, а получение лечебных трав контролируется еще строже.

Гун Шанцзюэ снял с пояса жетон и протянул ей:

– Возьми мой жетон. Пусть лекарь выдаст тебе все, что нужно.

– Но этот жетон... – проговорила Шангуань Цянь.

– С ним в пределах секты Гунмэнь тебе будут открыты все двери, – перебил он.

Сердце девушки забилось быстрее, и она медленно склонила голову:

– Благодарю вас, молодой господин.

* * *

Ночь становилась все темнее. С гор доносился звериный вой, делая тишину еще пустынное и унылое.

Гун Юаньчжи в своей комнате снял с полки шкатулку и аккуратно вынул из нее короткий меч – тот самый, что в воспоминаниях Гун Шанцзюэ давал поиграть младшему брату Лану.

Изящные ножны сияли, каждая их часть была отполирована до блеска – очевидно, что эту вещь хранили с особой бережностью.

Гун Юаньчжи поглаживал клинок, а на лице его проступила тень одиночества.

* * *

В покоях павильона Шан одиночество, которое чувствовала Гун Цзышан, было еще сильнее. С подносом, полным еды, она вошла к отцу и сразу же ощутила неладное. Едва она поставила поднос на стол, как его швырнули в нее – суп разлился по полу, фарфоровые миски и тарелки разлетелись в стороны.

Гун Цзышан в ужасе прикрыла голову, побледнела и съежилась, выглядя крайне испуганной. Перед посторонними она держалась равнодушно и беспечно, но калеку отца Гун Люшана боялась до дрожи.

Голос Гун Люшана был старческим и низким, но тон очень резким:

– Зачем ты каждый день возишься с этим? Это работа слуг! Неужели у тебя нет ни капли честолюбия!

Гун Цзышан, сдерживая слезы, ответила:

– Они сказали, что отец еще не ужинал...

– Вон! – голос Гун Люшана был полон разочарования и гнева.

* * *

Окно было открыто, и холодный ночной ветер врывается в комнату Юнь Вэйшань. Внутри стояла бочка с холодной водой, и девушка, не снимая одежды, погрузилась в нее.

Спустя некоторое время она вынырнула, ее лицо пылало. Она судорожно сжала края бочки, и дерево под ее хваткой закрипело, будто вот-вот треснет. Боль в животе накатывала, точно адское пламя, перед глазами все плыло, будто мир обжигали и он дымился, а каждое мгновение казалось пыткой.

«Сейчас яд Полумесячной мухи мне еще кое-как удастся сдерживать, – подумала Юнь Вэйшань. – Но что мне делать, когда истечет срок в полмесяца...»

* * *

На следующий день Гун Цзыюй вместе с Цзинь Фанем направился к павильону Цзюэ. Срок в десять дней истек, и он собирался добиться у Гун Шанцзюэ ответа, кто же убил ста-

рейшину Юэ и как тот намерен исполнить свое громкое обещание.

Шангуань Цянь, подрезавшая ветви у цветника на входе, остановила их:

– Молодой господин Юй, прошу обождать, позвольте доложить молодому господину Цзюэ.

Цзинь Фань помрачнел:

– Называй его Владыкой клинка!

Шангуань Цянь на мгновение растерялась, но, вместо того чтобы извиниться, выпрямилась, и в ее взгляде мелькнул вызов.

Цзинь Фань внезапно поднял меч и, прижав ножны к ее спине, со всей силой надавил. От тяжести ее колени подогнулись, и она невольно опустилась на колени:

– Поприветствуй Владыку клинка!

Ее колени еще не коснулись земли, как чьи-то руки подхватили ее за плечи и подняли. Шангуань Цянь обернулась и увидела ледяное лицо Гун Шанцзюэ.

– Так не терпится, чтобы тебя звали Владыкой клинка? – спросил он. – Разве ты уже прошел испытания Трех пределов?

Цзинь Фань невольно струсил и посмотрел на Гун Цзыюя. Гун Шанцзюэ бросил взгляд на его меч и холодно сказал:

– Если он тебе еще нужен, немедленно убери его.

Гун Цзыюй кивнул Цзинь Фаню, и тот сразу же опустил меч. Все трое проследовали в комнату. Гун Шанцзюэ был

спокоен, будто ничего не произошло; он даже не удостоил Гун Цзыюя взглядом и лишь неторопливо сел за стол. Рядом застыл Гун Юаньчжи с недовольным выражением лица. Яростно хмуря брови, он презрительно смотрел на двух гостей.

Гун Шанцзюэ пригубил чаю и равнодушно произнес:

– Не повезло.

– Ты так громко хвастался, что за десять дней найдешь Безымянного, – резко сказал Гун Цзыюй. – Теперь, когда срок вышел, молодой господин Цзюэ должен был явиться в павильон Юй и «отчитаться» мне. Но я опасался, что истина не раскрыта и тебе стыдно показаться, потому и пришел сам узнать о ходе дела.

Гун Юаньчжи фыркнул:

– Дело не в стыде, а в том, что видеться с тобой никто не хотел. У старшего брата давно есть зацепка, он как раз собирался докладывать старейшинам.

– Вот как? – удивился Гун Цзыюй.

Гун Шанцзюэ невозмутимо ответил:

– Личность Безымянного уже проверена. Я намеревался обсудить это со старейшинами, но раз молодой господин Юй «лично явился», скажу сначала тебе. Вопрос лишь в том, выдержишь ли ты.

Сердце Гун Цзыюя дрогнуло, но он прикусил язык.

Гун Шанцзюэ поднялся, продолжая:

– Под подозрением трое: глава Топазовой стражи, управ-

ляющий павильона старейшин... – Он приблизился к Гун Цзыюю: – Но эти двое уже временно исключены из списка подозреваемых, так что остался лишь третий человек.

– Говори уже, чего тянешь, – нахмурился тот.

Гун Шанцзюэ посмотрел ему в глаза и отчеканил:

– Госпожа Уцзи.

Цзинь Фань нахмурился: он не ожидал, что тот окажется таким прямолинейным. Гун Цзыюй мгновенно вспыхнул и гневно посмотрел на Гун Шанцзюэ, но когда заговорил, то очень старался, чтобы его голос звучал спокойно:

– Не нашел зацепок, так решил наугад кого-то оклеветать?

– У нас есть основания, – вмешался Гун Юаньчжи.

Гун Цзыюй усмехнулся:

– Когда на Совете старейшин вы ставили под сомнение мое происхождение, у вас тоже были «основания». Неужели лицо недостаточно долго болело от пощечины?

– Именно потому, что болит, мы не дадим тебе порадоваться во второй раз, – огрызнулся Гун Юаньчжи. – На этот раз ты сам почувствуешь, каково это – получить пощечину.

– Мы по отдельности допросили всех стражников, стоявших в ту ночь на карауле, – проговорил Гун Шанцзюэ, – и выяснили, что в ночь инцидента со старейшиной Юэ лишь местонахождение этих троих никто не может подтвердить, и все трое могли легко приблизиться к нему.

– Тогда почему ты сосредоточился именно на госпоже Уцзи? – порывисто спросил Гун Цзыюй. – Даже не пытаешься

скрыть свою предвзятость!

Гун Юаньчжи улыбнулся:

– Чего ты так разволновался? Мы еще не дошли до главного.

Гун Шанцзюэ продолжил:

– По правилам Гунмэнь, слуги и стража набираются из долины Цзючэнь. Большинство жителей долины живут тут поколениями и, как правило, не владеют боевыми искусствами – среди них трудно появиться лазутчику Уфэн. И глава Топазовой стражи, и управляющий павильоном старейшин родом из долины Цзючэнь.

– Снять с них подозрения лишь на этом основании разве не слишком поспешно? Гун Шанцзюэ, это совсем не в твоём стиле, – язвительно отозвался Гун Цзыюй.

– Ты прав, – кивнул тот. – Поэтому, действуя в своём стиле, я распорядился тщательно проверить происхождение и прошлое этих двоих. Главу Топазовой стражи зовут Цзинь Юньфэн, изначально он носил фамилию Цянь. Его семья держала лавку по лечению ушибов. Благодаря крепкому телосложению в семь лет он был отобран в Гунмэнь для обучения в стражу Драгоценных ступеней и получил фамилию Цзинь. Управляющий Ху Хай – потомок плотников. Десять лет назад он начинал подручным на кухне павильона старейшин и, пройдя через множество трудностей, дослужился до нынешней должности управляющего. Обе их семьи многие поколения живут в долине Цзючэнь. А вот госпожа Уцзи –

совсем иное дело...

Гун Цзыюй уже понял, к чему клонит Гун Шанцзюэ, и лицо его становилось все мрачнее. Гун Юаньчжи посмотрел на него:

– Госпожа Уцзи вошла в поместье в качестве служанки из приданого госпожи Лань, и она очевидно посторонняя, а потому наиболее подозрительная. Что еще смешнее – даже ее личность служанки оказалась ложной: Уцзи вовсе не из Гусу. Ее происхождение и личность до попадания в дом Ян вообще невозможно выяснить.

Гун Шанцзюэ пристально смотрел на Гун Цзыюя, словно ястреб, уже нацелившийся на добычу, и продолжил:

– Любопытно, что в тот самый год, когда Уцзи вошла в дом Ян в качестве служанки госпожи Лань, старый Владыка клинка – твой отец Гун Хуньюй – подвергся нападению Уфэн неподалеку от поместья Ян.

Стоявшая в стороне Шангуань Цянь слегка изменилась в лице, но никто этого не заметил.

– Это лишь догадки, – парировал Гун Цзыюй. – Я тоже могу сказать, что, раз тебе не удалось прежде запугать тетушку, ты затаил злобу и теперь намеренно поливаешь ее грязью. Если хочешь обвинить тетушку в том, что она – Безымянный, предоставь настоящие доказательства. Ты сам говорил: словесные споры – самое скучное. А иначе все будет выглядеть как злоупотребление властью ради личной мести и мелочность.

– Разумеется, мы говорим это, имея доказательства, – фыркнул Гун Юаньчжи.

Цзинь Фань и Гун Цзыюй изменились в лице. Гун Шанцзюэ между тем продолжил:

– У Цзинь Юньфэна и управляющего Ху в ночь покушения на старейшину Юэ были алиби, но никто не может подтвердить местонахождение госпожи Уцзи. Она утверждает, что уже в возрасте и потому рано ложится спать, зимой боится холода, не желает открывать двери и окна, чтобы не впускать стужу, и потому приказала слугам без нужды ее не тревожить.

– В ее словах нет ничего странного. Человек не может доказать собственную невиновность. Если ты обвиняешь ее, то доказательства должен представить ты – свидетелей и вещественные улики.

– Не беспокойся, доказательства будут. Стоит мне продолжить расследование, и они обязательно появятся.

– Но срок в десять дней истек, – повысил голос Гун Цзыюй. – Ты уже не можешь исполнить свое обещание.

Гун Юаньчжи холодно усмехнулся:

– А ты сам-то разве прошел испытания Трех пределов? Времени у тебя тоже немного осталось, верно? Будешь и дальше бездельничать и потеряешь пост Владыки клинка.

Гун Цзыюй осекся и решил не продолжать препирательства:

– Хорошо. Раз уж ни один из нас не выполнил обещание,

считай, что мы квиты. Надеюсь, в следующий раз ты представишь настоящие «доказательства», иначе перестань тратить время и беспокоить тетюшку.

— Не нужно учить меня, как вести расследование. А вот тебе подсказать, как пройти оставшиеся два испытания?

Гун Цзыюй холодно фыркнул, поднялся и вместе с Цзинь Фанем вышел.

Когда они ушли, Гун Шанцзюэ откинулся на спинку кресла и мягко потер виски. Он ясно почувствовал перемены в Гун Цзыюе и дыхание силы, исходящее от него. Тот уже лучше умел сдерживаться и становился все более уравновешенным. Пусть он еще не казался зрелым и хладнокровным, но уже совсем не походил на прежнего праздного повесу, и в нем ощущалась скрытая угроза.

В этот момент подошла Шангуань Цянь. Она посмотрела вслед уходящему Гун Цзыюю, затем на мрачное лицо Гун Шанцзюэ.

— Молодой господин в последнее время сильно утомляется и плохо спит. Слуги говорят, что вы часто среди ночи зажигаете свет. У меня на родине есть подушка, успокаивающая дух: ее делают из самшита, а внутрь кладут ароматные листья, вываренные в отваре из стеблей горца и высушенные. Она успокаивает и помогает заснуть. Если представится случай сходить на рынок и поискать такую, молодой господин, вероятно, будет лучше спать и видеть более спокойные сны...

Гун Шанцзюэ поднял глаза и многозначительно посмотрел на нее, но голос его остался ровным:

– Раз ты вошла в Гунмэнь, не стоит все время думать о внешнем мире. Если чего-то не хватает, попроси купить слуг.

Шангуань Цянь поняла, что была слишком напориста, и на мгновение запаниковала, но быстро взяла себя в руки и мягко ответила:

– Разумеется, разумеется... Невестам Гунмэнь нельзя свободно выходить, я знаю правила. Я лишь хотела сказать: раз уж молодой господин Чжи здесь, не позволит ли он сходить в лечебницу и посмотреть, есть ли там эти травы...

Гун Юаньчжи махнул рукой:

– Иди. Мне как раз нужно поговорить со старшим братом.

– Слушаюсь.

Шангуань Цянь, опустив голову, вышла. Стоило ей уйти, как Гун Юаньчжи повернулся к Гун Шанцзюэ:

– Брат, госпожа Уцзи так коварна и обманула наше доверие. Если она больше не совершит преступлений, то найти новые доказательства будет трудно...

– Она не сможет бездействовать, потому что ее миссия еще не завершена, – мягко, но без сомнений произнес тот.

– О, брат знает ее миссию?

– Не знаю. Но она точно не сводится лишь к убийству старейшины Юэ.

Гун Юаньчжи оживился:

– Тогда подождем, пока она снова нанесет удар. Брат уже изменил расположение охраны в Гунмэнь и добавил столько скрытых постов и ночных караулов, что стоит ей снова убить, и она обязательно выдаст себя.

– Но я не позволю ей больше убивать. Ни капля крови членов Гунмэнь не должна быть попрана чужаками. Я исполню клятву, которую десять лет назад проглотил, чуть не раскрыв зубы.

Гун Шанцзюэ умолк. Его лицо тонуло в тени, став совершенно непроницаемым.

* * *

Когда солнце поднялось из-за деревьев, из кухни павильона Шан послышался треск и грохот. Сяо Хэй увидел, как из кухни валит густой черный дым, и поспешил туда. Он заглянул внутрь и, убедившись, что там только Гун Цзышан, зашел.

– Старшая молодая госпожа, почему вы опять одна готовите? А где слуги павильона Шан? Совсем вас за хозяйку не держат, что за безобразие. Хотите, я их проучу?

– Как ты их собираешься проучить? Молотком по рукам ударить? Ты всего лишь плотник, иди лучше проверь, где крыша протекает.

Сяо Хэй продолжал размахивать руками, разгоняя дым. В клубах черного дыма суежилась Гун Цзышан в фартуке и с

закопченным лицом.

– Что вы творите, такая убойная сила...

Гун Цзышан обернулась с тарелкой в руках: на ней лежали несколько почерневших до неузнаваемости кусков.

Сяо Хэй возбужденно потер ладони:

– Старшая госпожа, вы удивительны! Это новый вид скрытого оружия?

– Это пирожные, которые я испекла для Цзинь Фаня...

– Что же он такого натворил, чем заслужил подобное... – покачал головой Сяо Хэй.

– Заткнись!

Сяо Хэй подошел к Гун Цзышан и серьезно сказал:

– Старшая госпожа, вам пора образумиться. Вы уже давно не занимаетесь со мной исследованиями. А исследования требуют постоянства – нельзя отвлекаться, особенно на мужчин. Не приближайтесь к ним, а то станете несчастной...

– Тогда зачем ты стоишь так близко ко мне?

– Я... – Сяо Хэй замялся.

Гун Цзышан вскинула бровь:

– Ты что, переодетая женщина?

– Я мужчина семи чи ростом, без всяких сомнений! Не оскорбляйте меня!

Гун Цзышан проигнорировала его, поставила тарелку в короб для еды и уже собиралась выйти, как Сяо Хэй схватил ее за руку:

– Вы только посмотрите на себя – куда так спешите! Де-

вушке подобает быть нежной, как горный источник, сдержанной, как утес. А вы – как ива на ветру, гнетесь всеми костями. Что подумает о вас Цзинь Фань?

Гун Цзышан, увлекшись игрой, жеманно вздохнула:

– Твои слова точно нож, режут мое сердце.

Сяо Хэй вытащил шелковый платок и стал вытирать ее закопченное лицо:

– И посмотрите на свое грязное лицо: прекрасное, точно луна, оно скрылось за тучами.

Уголки губ Гун Цзышан невольно поднялись:

– Сяо Хэй, ты не только заботлив, у тебя еще и вкус есть. – Она вдохнула аромат платка и спросила: – Чем это он пахнет?

Сяо Хэй продолжил вытирать ее лицо и ответил:

– У вас тоже хороший вкус: платок был вымочен в густом настое химоранта⁴, а затем всю ночь томился на слабом огне. Аромат без следа дыма, очень освежающий.

– Ты, вонючий мужлан, так хорошо разбираешься – с тобой точно что-то не так.

– Кто... кто это вонючий? Я хоть и плотник, но чистопоптен и добродетелен!

– Хорошо-хорошо, послушаю тебя. Не приближаться к мужчинам, а то стану несчастной.

⁴ ## ламэй – химорант скороспелый (*Chimonanthus praecox*), или восковая слива. Кустарник с желтыми восковидными цветами, который часто путают с зимней сливой-мэйхуа, также цветет зимой.

С этими словами она мгновенно сбежала.

– Эй, не вырывайте одну фразу из диалога...

Посмотрев ей вслед, Сяо Хэй опустил взгляд на платок в руке, вздохнул и спрятал его за пазуху.

* * *

К лечебнице подошла девушка. Едва Шангуань Цянь вошла во двор, как увидела, что Юнь Вэйшань остановили стражи у входа.

– Барышня Юнь, без разрешения молодого господина Чжи вход воспрещен.

– Но я больна, неужели мне нельзя обратиться к лекарю? – стояла на своем Юнь Вэйшань.

– Обратиться можете. Барышня Юнь, пожалуйста, вернитесь в свои покои, и чуть позже мы пришлем к вам лекаря. Он прощупает ваш пульс и выпишет рецепт, а затем травы будут упакованы и доставлены в павильон Юй.

Юнь Вэйшань нечего было возразить. Она развернулась и тут же увидела улыбающуюся Шангуань Цянь.

Страж тотчас почтительно поздоровался с ней:

– Барышня Шангуань. – В его тоне Юнь Вэйшань отчетливо уловила угодливость.

Шангуань Цянь мягко произнесла:

– По приказу молодого господина Чжи я пришла за лекарственными травами.

– По приказу молодого господина Чжи?

– Разумеется. Если не верите, можете послать кого-нибудь спросить его лично. Кто осмелится подделывать его приказы? Кого угодно можно задеть, только не этого молодого господина, это всем известно.

– Хм... – замялся страж.

Тогда Шангуань Цянь вынула жетон Гун Шанцзюэ:

– К тому же второй господин Гун дал мне свой жетон, чтобы я получила лекарства.

Страж тут же вытянулся:

– Барышня Шангуань, прошу.

Она убрала жетон и вошла в лечебницу. Обернувшись, она увидела на лице Юнь Вэйшань досаду и едва заметно улыбнулась, ничего не подтверждая и не отрицая. Но Юнь Вэйшань поняла скрытые в ее взгляде чувства: и хвастовство, и месть, и намек, и угрозу.

* * *

Забрав травы, Шангуань Цянь покинула лечебницу. Пройдя несколько шагов, она заметила на тропинке три камня – знак, оставленный Юнь Вэйшань. Осмотревшись, она свернула в указанном направлении. Это был переулок, который даже днем казался сумрачным.

Войдя туда, она увидела впереди ожидавшую ее Юнь Вэйшань. Шангуань Цянь улыбнулась:

– Огонь жжет сердце, а лекарств достать не можешь, верно?

Юнь Вэйшань не ответила, молча глядя на нее. Она хорошо знала, как Шангуань Цянь любит держать других в напряжении.

– А я достала. Могу поделиться.

Юнь Вэйшань немного удивилась. Память о боли на мгновение лишила ее самообладания, и она непроизвольно протянула руку. Но Шангуань Цянь легко повернула корзину в другую сторону и уклонилась.

– Не спеши, старшая сестрица. Прогуляйся со мной.

С этими словами она грациозно пошла вперед, и Юнь Вэйшань ничего не оставалось, кроме как послушно последовать за ней.

– И правда родной? – спросила Шангуань Цянь, все еще помня прошлую историю с медицинскими записями.

– Да.

– Похоже, в вопросе происхождения Гун Цзыюя Гун Шанцзюэ уже не найдет новой зацепки.

– Если Гун Цзыюй успешно пройдет испытания Трех пределов, его положение Владыки клинка станет незыблемым, – сказала Юнь Вэйшань.

– Внешне ты сотрудничала, даже отдала мне половину медицинских записей. А на деле тайно объединилась с госпожой Уцзи – и Гун Шанцзюэ потерял лицо на Совете старейшин, а ты заслужила расположение Гун Цзыюя. Сестрица, ты

и вправду искусна... – Голос Шангуань Цянь был мягким и плавным, но в нем сквозила обида.

– Каждый полагается на свои способности.

– Это ты называешь «полагаться на свои способности»? И не боялась подставить меня?

– Когда ты вынудила меня добыть медицинские записи, чтобы угодить Гун Шанцзюэ, ты о моем положении тоже не думала.

Лицо Шангуань Цянь изменилось. Она холодно усмехнулась и внезапно нанесла удар, но Юнь Вэйшань направила ци, чтобы отразить атаку. Они обменялись несколькими стремительными ударами, но вскоре яд смертельной клятвы заставил ци Юнь Вэйшань обернуться против нее, она чуть не потеряла равновесие, а тело вновь охватило пламя, и грудь и живот запульсировали от боли. Шангуань Цянь выглядела не лучше: хоть она и старалась держаться, но все же невольно прижала ладонь к груди и усмехнулась Юнь Вэйшань.

Девушки разошлись.

– Твоя внутренняя сила в смятении. Жар Полумесячной мухи, должно быть, для тебя невыносим? – проговорила Шангуань Цянь.

Юнь Вэйшань усмехнулась:

– Моя внутренняя сила – крайне иньская, так что она нейтрализует жар. Мне лишь трудно из-за смятения ци. Ты же практикуешь крайне янскую технику, ты не смеешь даже циркулировать ци, ведь это все равно, что подливать масла

в огонь. Думаю, что тебе уж потяжелее моего.

– Но лекарства сейчас у меня. И ты либо подчинишься и будешь мне помогать, либо будешь медленно мучиться.

– Эти травы лишь временно подавляют яд. Когда истечет срок в полмесяца, нам все равно придется покинуть Гунмэнь и встретиться со связным, чтобы получить противоядие. Иначе мы рано или поздно умрем.

– Я обязательно найду способ выйти.

– Ты и сама в это не веришь, верно? Нелегко быть под носом у Гун Шанцзюэ? Даже хвост показать боишься.

Юнь Вэйшань безжалостно обнажила ее затруднительное положение. Если говорить о свободе передвижений, то разве мог угрюмый второй господин Гун сравниться с Гун Цзыюем? Подумав об этом, Юнь Вэйшань обрела уверенность, и взгляд ее прояснился.

Шангуань Цянь получила укол в самое уязвимое место и поджала губы.

– Отдай мне то, что нашла, и я обменяю это на противоядие и для тебя. У меня уже есть способ покинуть Гунмэнь.

– Что ты сказала? – удивилась Шангуань Цянь.

Юнь Вэйшань подошла ближе и прошептала ей несколько слов на ухо. Шангуань Цянь замерла, опустила взгляд, обдумала услышанное, затем улыбнулась и кивнула:

– Спасибо, старшая сестрица.

– Теперь ты поделишься лекарствами?

– Поделюсь, но у меня мало трав.

– Уже передумала?

Шангуань Цянь широко улыбнулась:

– Ты меня недооцениваешь, сестрица, я никогда не отказываюсь от своих слов. Сходим еще раз в лечебницу.

* * *

Они вернулись и взяли еще трав, и каждая вышла с полной корзинкой. Страж вновь почтительно поклонился.

Шангуань Цянь спокойно улыбнулась:

– Благодарю за хлопоты. Только посмотрите на мою память – забыла, что нужно еще кое-что взять. Хорошо, что сестрица Юнь напомнила.

– Счастливого пути, барышни.

На тропинке за лечебницей Шангуань Цянь вынула из-за пазухи тонкий тканевый мешочек и протянула Юнь Вэйшань.

– Помоги мне передать это Ханья Ци.

– Что это?

– Скрытое оружие Гун Юаньчжи. Я набросала схему конструкции и взяла фрагменты. Пусть Уфэн проанализируют, каким ядом оно пропитано.

Юнь Вэйшань удивилась:

– Скрытое оружие Гунмэнь можно купить снаружи по установленной цене. Неужели это можно обменять на противоядие?

– Ты что, даже не заглянула в мешочек с оружием Гун Юаньчжи? – фыркнула Шангуань Цянь. – Я думала, ты хотя бы изучишь его.

– Если бы у меня было время изучать его, к тому моменту, как я вернула бы его тебе, ты бы уже сидела в подземной темнице.

– Ты права... – улыбнулась Шангуань Цянь. – Тогда мне стоит поблагодарить тебя. Оружие, которым пользуется сам Гун Юаньчжи, не похоже на обычные изделия Гунмэнь, продающиеся снаружи. Оно куда смертоноснее, а конструкция изящнее, это настоящее произведение ремесленного искусства! Я прежде думала, что все в Гунмэнь обладают огромной внутренней силой, и скрытое оружие стреляет так мощно благодаря ей. Но знаешь, что оказалось?

– Что?

– Порох.

– Порох?

– Внутри маленького механизма есть ударник и пороховой отсек. При столкновении происходит взрыв и придает импульс, благодаря которому отравленные металлические лезвия вылетают с такой силой, что могут пробить броню.

– Тогда, похоже, ты и впрямь сможешь получить противоядие.

– А ты? Закончила составлять карту?

– Многое еще не завершено, но есть большие успехи. Уфэн прежде ошибалась направлением. Передний склон горы

вовсе не является опорой Гунмэнь, самое важное место – это задний склон.

* * *

Едва Шангуань Цянь и Юнь Вэйшань ушли, как из лечебницы отправили человека в павильон Цзюэ. Он вошел к Гун Шанцзюэ, поклонился и, подойдя к Гун Юаньчжи, осторожно передал два листа бумаги.

– Господин Чжи, это рецепты, по которым только что брала травы барышня Шангуань.

– Два?

– Она также взяла травы для барышни Юнь.

Гун Юаньчжи обернулся к Гун Шанцзюэ. Тот остался невозмутим и лениво кивнул слуге:

– Можешь идти.

Когда тот ушел, Гун Шанцзюэ тихо спросил:

– В рецептах есть что-то странное?

Гун Юаньчжи нахмурился, разглядывая листы:

– Похоже на два набора лекарственной пищи для снятия жара и внутреннего огня...

Гун Шанцзюэ удивился:

– Лекарственная пища?..

По сравнению с всегда мрачным павильоном Цзюэ павильон Юй был куда оживленнее. Слуги развешивали под карнизами и в галереях разноцветные фонари и курильницы. Их пестрые стенки и ленты радовали глаз, а тщательно подобранные благовония тлели, выпуская белый дым, который окутывал крыши, точно облака и туман, и наполнял воздух свежестью.

И лишь Гун Цзышан выбивалась из этой картины. Она, надувшись, сидела в одиночестве в беседке. Перед ней на каменном столике стоял приоткрытый короб с едой.

Юнь Вэйшань подошла и с обеспокоенной улыбкой спросила:

– Что-то случилось?

– Что еще это может быть?.. Цзинь Фань опять унизил меня, – пробормотала Гун Цзышан.

– Унизил... Не слишком ли громко сказано? Мне кажется, страж Цзинь не такой человек.

– Пф, знаешь человека в лицо, но не его сердце.

Юнь Вэйшань взглянула на короб:

– А это что?

– Я подумала, что, раз сегодня Праздник фонарей⁵, при-

⁵ ### – или праздник Юаньсяо (досл. «первая ночь») – первое полнолуние нового года, выпадающее на пятнадцатое число первого месяца по лунному кален-

готовлю ему изящные сладости, все утро хлопотала... А он даже кусочка не съел.

Юнь Вэйшань посмотрела на содержимое:

– Может, страж Цзинь постится и потому не стал есть мясные лепешки?

Глаза Гун Цзышан широко распахнулись, зрачки дрогнули:

– Ты... «мясные лепешки»... Это персиковое рассыпчатое печенье! Печенье!

– Чтобы сделать их настолько «рассыпчатыми», и правда надо постараться!

– ...Сестрица меня окончательно добила.

Юнь Вэйшань поспешно сказала:

– Я позже поговорю с Цзинь Фанем. Что бы это ни было, это ведь от чистого сердца.

Гун Цзышан взяла черный кусочек печенья:

– Я предложила чистое сердце, а в ответ получила бессердечье. Ладно, лучше сама съем.

Она откусила и тут же вскрикнула, принявшись отплевываться... Гун Цзышан и Юнь Вэйшань уставились друг на друга.

Юнь Вэйшань хотела что-то сказать, но Гун Цзышан ее перебила.

– Ничего не говори! – произнесла она с видом окончательно разбитого сердца.

Юнь Вэйшань невольно рассмеялась:

– Увидев сладости старшей сестрицы Цзышан, я невольно вспомнила детство. Каждый год в Праздник фонарей на улицах продавали множество изысканных лакомств: пирожные с финиковой пастой, сахар с ароматом османтуса, снежные пирожные «Драконьи усы» и даже таньюани⁶ с начинкой из «золотого песка».

Глаза Гун Цзышан загорелись:

– Так много? Значит, на рынке в долине Цзючэнь они тоже должны быть?

Юнь Вэйшань кивнула:

– Разве что в некоторых приграничных местах обычаи отличаются, а так Праздник фонарей повсюду проходит шумно и весело – и на юге на правом берегу Великой реки, и на севере за Великой стеной, и в землях Ба и Шу⁷ вдоль рек – везде горят фонари. «Тысячи домов гремят музыкой в эту ночь, на десять ли видна вереница цветных огней»⁸ – это ведь как раз о ночи Юаньсяо. Старшая молодая госпожа... неужто вы никогда не выходили гулять в этот праздник?

В глазах Гун Цзышан отразилась тоска:

⁶ ## – клецки из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой, подаются в супе. Традиционное блюдо на Праздник фонарей.

⁷ Великая река – Янцзы, правое побережье – речь о провинции Цзяннань. Север за Великой стеной – *обр.* о Монголии. Ба и Шу – исторические царства Ба и Шу, ныне территория провинции Сычуань.

⁸ Строка из стихотворения «Мысли в ночь Юаньсяо» Ян Юань (##), поэтессы эпохи Мин.

- Нет... За всю жизнь ни разу не выходила...
- Есть еще такие строки:

Пышные краски разлились по земле,
Яркие огни украшают небеса.
Будто звезды упали с Млечного Пути,
А у башен точно повисла луна⁹.

Это о том, как люди в праздничную ночь любуются фонарями и луной, поют, танцуют и развлекаются. Юноши и девушки в этот романтический вечер признаются друг другу в чувствах... Вы столько романов читали – разве там об этом не пишут?

Глаза Гун Цзышан вспыхнули:

– Пишут!

– Каждый год на Праздник фонарей девушки наряжаются особенно красиво, потому что, по легенде, именно в эту ночь легче всего встретить своего суженого, предназначенного Небесами.

– Суженого, предназначенного Небесами?

Юнь Вэйшань кивнула:

– Да. Среди мерцающих огней и толпы людей если удастся встретить того, кто заставит сердце биться, разве это не небесный промысел? Знаете, какая последняя строка в том стихотворении? «Но одна улыбка ценой в тысячу золотых

⁹ Строки из стихотворения «Наблюдая за фонарями в ночь Юаньсяо» Лу Чжаолиня (###), одного из «Четырех гениев ранней Тан».

затмит девять ветвей фонарей». Я уже могу представить, как вы стоите среди огненных деревьев и серебряных цветов, сияя ярче всех.

Гун Цзышан, погруженная в свои мысли, слушала, затаив дыхание, и вдруг воодушевленно воскликнула:

– Огненные деревья и серебряные цветы? Фейерверк? Порох! В этом я мастерица... Так чего же мы ждем!

Юнь Вэйшань тихо вздохнула и с намеком сказала:

– Но мы ведь не можем выйти...

* * *

Во дворе павильона Юй тени ветвей складывались в замысловатые узоры. Гун Цзыюй и Цзинь Фань шли, обсуждая дела.

– Подозрения Гун Шанцзюэ по отношению к тетушке будут только усиливаться, а не ослабевать, – сказал Гун Цзыюй. – Просто у него нет веских доказательств. С его характером он так просто не отступится. Продолжай внимательно следить за ними.

– Слушаюсь.

Навстречу донеслись приветственные голоса слуг:

– Госпожа Уцзи.

Гун Цзыюй и Цзинь Фань подняли головы. Госпожа Уцзи вошла во двор, неся корзину с благовониями и поминальной бумагой.

– Тетушка, куда вы идете?

– Сегодня пятнадцатое число. Пойду в родовой храм на заднем склоне читать сутры и молиться за твоего отца и брата.

– Тетушка такая внимательная. Почему же вас никто не сопровождает?

– Когда пейзаж напоминает о прошлом, сердце переполняется печалью. Лучше мне побыть одной, так смогу рассказать все, что на душе.

Гун Цзыюй тяжело вздохнул:

– Тетушка...

– Ступай, занимайся делами.

Проводив взглядом ее удаляющуюся фигуру, Гун Цзыюй повернулся к Цзинь Фаню:

– Ты давно ищешь внутри Гунмэнь и до сих пор не нашел никаких зацепок. Похоже, нам придется попробовать выйти за пределы поместья.

– Выйти? – удивился Цзинь Фань.

– Гун Шанцзюэ и Гун Юаньчжи нацелились на павильон Юй, а теперь еще и направили удар на госпожу Уцзи. Мы все время только и делаем, что защищаемся. Управляющий Цзя закупал в долине лекарственные травы, так наверняка где-то остались следы. Если удастся добыть доказательства их сговора с ним и причастности к смерти моего отца, мы перехватим инициативу.

– Вы хотите выйти за пределы долины Цзючэнь и отпра-

виться расследовать в город? Но все внешние дела Гунмэнь много лет ведет Гун Шанцзюэ. У него в долине полно осведомителей, и он обязательно об этом узнает, разве нет?

– Значит, нужно придумать способ, чтобы скрыть это от чужих глаз.

В этот момент издалека прибежала Гун Цзышан, за ней следовала Юнь Вэйшань. Первая, словно сделав великое открытие, кричала на бегу:

– Гун Цзыюй! Гун Цзыюй!

Гун Цзыюй нахмурился, но, увидев Юнь Вэйшань, не смог удержаться от улыбки. Цзинь Фань лишь покачал головой.

– Со стороны можно подумать, что вы владеете искусством передачи голоса на тысячу ли. Голос у вас слишком громкий, – пробормотал он, глядя на деревья вокруг. – В последнее время даже птиц во дворе стало меньше...

Гун Цзышан вихрем подлетела к Гун Цзыюю и между делом подмигнула Цзинь Фаню:

– Знаешь, какой сегодня важный день?

– Праздник фонарей?

Она покачала указательным пальцем:

– Ай-я, попробуй еще раз.

– Ты хочешь сказать, что сегодня важный день для тебя и Цзинь Фаня...

Гун Цзышан толкнула Гун Цзыюя локтем:

– Любовные дела! Шепот нежных слов! Забросить все дела! Разве я похожа на такого человека?

– А разве нет? Если не ты, то кто?

– Тьфу! Сегодня мы празднуем твое успешное прохождение первого испытания!

– Но это было позавчера, – вклинился Цзинь Фань.

Юнь Вэйшань хотела что-то сказать, но Гун Цзышан перебила ее:

– Какая разница когда, отпраздновать все равно надо! Хорошая еда всегда вовремя, хорошая девушка не ленится!

Цзинь Фань нахмурился.

– Чтобы отметить твою блестящую победу, сегодня вечером отправимся на рынок! – Гун Цзышан широко взмахнула рукой. – Огненные деревья и серебряные цветы – все для твоего удовольствия!

Гун Цзыюй тут же переглянулся с Цзинь Фанем, но вслух нарочито сказал:

– Сейчас выходить за пределы Гунмэнь, боюсь, не самое подходящее время...

Гун Цзышан немедленно вытолкнула вперед Юнь Вэйшань:

– Барышня Юнь тоже хочет пойти!

Гун Цзыюй мягко обратился к ней:

– Ты правда хочешь?

Юнь Вэйшань немного подумала и кивнула.

– Хорошо. Тогда пойдем.

Гун Цзышан с недоверием уставилась на него:

– Гун Цзыюй, неужто ты вот так просто согласился? Да-

же притворяться не стал? Какой решительный! Ах, а я-то уже столько оправданий придумала. Эх, Цзинь Фань, а ты посмотри на себя – даже пирожное съесть не осмелился.

Цзинь Фань все еще колебался:

– Барышня Юнь – невеста, прибывшая извне... Старейшины, вероятно, не позволят ей выйти из Гунмэнь...

– Если это доставит неудобства Владыке клинка, тогда не стоит... – тихо проговорила Юнь Вэйшань. – Я могу остаться здесь и провести праздник одна. А вы как следует отпразднуйте...

Гун Цзыюй заметил, как трудно ей скрыть разочарование, и широко улыбнулся:

– Необязательно спрашивать разрешения у старейшин. Я знаю тайный проход из Гунмэнь.

* * *

С наступлением ночи они пришли в темный переулок.

Гун Цзыюй нажал на два кирпича в стене, и каменная дверь вновь открылась. Он протянул ладонь Юнь Вэйшань:

– Внутри темно и трудно разобрать дорогу, так что дай мне руку.

Юнь Вэйшань безропотно повиновалась, и Гун Цзыюй повел ее внутрь.

Гун Цзышан последовала за ними:

– Там темно, холодно и страшно, что же делать? Цзинь

Фань, держись за меня крепче!

– Мне тоже страшно, – Цзинь Фань отступил на шаг.

– Потому и держись крепче! – она шагнула к нему и крепко схватила за руку.

– Так еще страшнее! – он попытался вырваться, но она сжала его еще крепче.

Так все четверо шумно вошли в тайный проход.

* * *

Вдалеке двое караульных увидели, как они исчезли внутри.

– Н-надо ли... доложить? – неуверенно спросил один из стражей.

Другой ответил:

– Он же Владыка клинка. Кому докладывать?

Первый замолчал, колеблясь, оба не решались ничего сказать. Наконец первый страж проговорил:

– За пределами Гунмэнь распоряжается молодой господин Цзюэ... Доложим молодому господину Цзюэ.

Глава 2

Длинная улица сияла огнями, люди теснились плечом к плечу, зазывали перекрикивали друг друга. Насыщенная разными запахами и шумом городская жизнь вокруг резко контрастировала с высокими стенами и глубокими дворами Гунмэнь. Разноцветные фонари отбрасывали на улицы переливы света, похожие на движущуюся радугу. Нарядно одетые мужчины и женщины бродили среди этого моря огней. По водным каналам плыли речные фонарики, а лодки были нагружены свежими цветами и пестрыми фруктами.

Впереди прокладывал дорогу Цзинь Фань, крепко сжимая рукоять меча и настороженно оглядываясь по сторонам. Гун Цзышан бросила Цзинь Фаня и, схватив Юнь Вэйшань за руку, вертела головой по сторонам, ослепленная многообразием вокруг. Позади них шел Гун Цзыюй. Глядя на их смех и веселую суету, он чувствовал, будто и в его сердце вспыхивают фейерверки.

Юнь Вэйшань тихо сказала Гун Цзышан:

– Смотрите, сколько талантливых юношей и прекрасных девушек гуляют вместе, любуясь фонарями. Почти все по парам...

Гун Цзышан посмотрела на молодых людей вокруг и ответила:

– А как же иначе? Твой молодой господин Юй тоже не

отводит взгляда от твоей спины, будто прилип. Ай-я, даже растопленный сахар не бывает таким липким... В такую прекрасную ночь лучше всего побыть вдвоем. Давайте-ка вы идите куда-нибудь вдвоем, а я потом тоже позову Цзинь Фаня...

– Что же задумала старшая барышня?

Гун Цзышан наклонилась к уху Юнь Вэйшань и прошептала ей несколько слов, затем приподняла брови и многозначительно намекнула:

– Союз, предназначенный Небесами.

Юнь Вэйшань прикрыла рот рукой и закивала с улыбкой. Гун Цзышан пошла вперед и, выбрав удачный момент, вдруг нырнула в густую толпу, мгновенно исчезнув из виду.

Гун Цзыюй огляделся:

– А? Куда это она вдруг делась?

– Старшая барышня сказала, что пойдет туда купить фонарь, – ответила Юнь Вэйшань.

Гун Цзыюй подмигнул Цзинь Фаню и сказал:

– Цзышан одной бродить небезопасно. Цзинь Фань, быстро иди и найди ее. Да поскорее!

Цзинь Фань замялся:

– А как же вы, Владыка клинка...

– Со мной все будет в порядке. Я далеко не пойду, к тому же со мной барышня Юнь. – С этими словами Гун Цзыюй приблизился к стражу и тихо добавил: – Когда найдешь Цзышан, сходите к дому управляющего Цзя и осмотрите все.

Цзинь Фань ответил коротким «слушаюсь» и сразу повернулся, растворяясь в толпе.

* * *

Гун Цзышан шла, держа в руках маленький фонарик, и бормотала:

– Лишь бы тот, кто в сердце моем, понял смысл фонаря в моих руках...

Как назло, едва она договорила, фонарик в ее руках погас. Она сердито топнула ногой и, опустив голову, выругала его:

– Вот же! Что за невезение!..

К счастью, рядом как раз стояла огромная тележка с фонарями.

Гун Цзышан тут же выпалила:

– Хозяин, покупаю фонарь! Самый яркий, такой, чтобы его издалека было видно в толпе. Есть такой?

Хозяин приветливо отозвался:

– Барышня, верно, назначила встречу с возлюбленным? Лунный свет освещает красавицу, ветер колышет тени деревьев... – Понимаяще улыбнувшись, он достал фонарь в виде зайчика. – Этот очень милый, многие барышни любят. – Затем вынул из-под прилавка фонарь побольше в виде фазана. – А этот ярче и больше, но тяжелый. Обычно барышни его...

Не успел он договорить, как Гун Цзышан уже одной рукой

подхватила фазана. Лавочник ошеломленно закончил фразу:

– ...не могут поднять.

Гун Цзышан держала в одной руке зайчика, в другой – фазана, крутя их в руках, но наконец заключила, что они недостаточно заметны.

Хозяин кивнул:

– Барышня, у вас и так уже немало...

– Немало, – сказала Гун Цзышан, – но и не так уж много.

Хозяин нахмурился и серьезно сказал:

– Понятно. В таком случае, может, взглянете на это?

С этими словами он вытащил из-под прилавка огромный фонарь в виде львиной головы. Он был гигантским, почти в человеческий рост и чрезвычайно тяжелым.

– Этот очень заметный, определенно самый яркий на улице. Но обычно... такие вешают у ворот дома...

Гун Цзышан проигнорировала все слова лавочника, с восторгом рассматривая львиную голову. Она все вертела ее в руках и бормотала:

– Большой – это хорошо, но на улице такая толпа... вдруг он все равно меня не заметит...

Хозяин окончательно растерялся:

– Барышня... а сколько лет вашему возлюбленному? У него что, зрение совсем плохое?

Гун Цзышан махнула рукой:

– Ничего не говорите, я покупаю весь ваш прилавок.

– Барышня, да вы прекрасны точно небожительница! До-

говорились!

Неподалеку Цзинь Фань, следовавший за ней всю дорогу, стоял за углом и не приближался, но прекрасно слышал их разговор. Он хмурился, ругая про себя Гун Цзышан за расточительность, однако в сердце у него поднималась кислая, щемящая волна, и в этой кислинке ясно ощущалась сладость. Ему хотелось подойти, но, оглянувшись в сторону, где остался Гун Цзыюй, он все же не двинулся с места.

Хозяин, принимая деньги, сказал:

– Барышня, тележка ведь тяжелая. Не слишком ли вам будет трудно ее толкать?

– Ничуть. Я специально потерялась, чтобы он мог меня найти. На улице столько людей – если он все равно меня найдет, значит, это судьба, предназначенная Небесами.

Хозяин рассмеялся:

– Но, если вы покупаете всю тележку с фонарями, разве это не похоже на жульничество? Тогда судьбу определяет уже человек.

Гун Цзышан уверенно ответила:

– Древние говорили: решимость человека преодолевает даже небо¹⁰.

Хозяин вздохнул:

– Все можно преодолеть, но не судьбу... Если сердца действительно понимают друг друга, люди так или иначе ока-

¹⁰ ##### – *обр.* твердость человека побеждает судьбу. Цитата из «Оставленных писаний Чжоу» I века н. э.

жутся связаны. Барышня, не стоит так упорствовать.

Гун Цзышан вдруг погрузилась, но все же упрямо сказала:
– А я все равно буду упорствовать. Судьба или воля Небес – я хочу все.

Стоящий вдалеке Цзинь Фань отчетливо слышал это. В голове у него загудело, а перед глазами плясали огоньки фонарей, похожих на брызги слез.

На многолюдной улице поток людей все не прекращался. Гун Цзышан поставила огромную тележку прямо посреди дороги, и прохожим пришлось обходить ее, бросая удивленные взгляды.

Гун Цзышан радостно сказала:

– Ну же, Цзинь Фань.

Окруженная толпой зевак, она быстро стала центром внимания. Цзинь Фань стоял в тени и молча смотрел на нее. Вздохнув, он остался в укрытии и все же не подошел.

Гун Цзышан долго ждала, но никто так и не появился. Очень скоро ее охватило разочарование – словно она сама превратилась в пепел после угасших фонарей, настолько слабый, что его мог унести любой ветер.

Тот самый лавочник подошел к ней и, увидев ее в одиночестве, спросил:

– Ваш возлюбленный еще не пришел?

– Он придет, – упрямо отозвалась Гун Цзышан.

Поток людей на улице толкал тележку со всех сторон. Свечи внутри фонарей кренились и гасли одна за другой. Гун

Цзышан осторожно прикрывала фонари руками и бормотала:

– Эй-эй, не толкайтесь... ай-я, еще один погас...

В конце концов все свечи внутри погасли.

Цзинь Фань издалека наблюдал за этим. Выражение его лица слегка изменилось, взгляд становился все ярче, но он по-прежнему не выходил. И даже тихо пробормотал:

– Дурочка.

Но кто на самом деле был дураком – Гун Цзышан или он сам – Цзинь Фань уже не понимал.

Когда все фонари на тележке погасли, Гун Цзышан присела на корточки. Глаза у нее покраснели, она выглядела совершенно растерянной.

Подняв голову, она увидела, что на тележке остался лишь один маленький фонарик, который еще не погас. Она взяла его в руку и ушла в узкий переулок, где было куда меньше людей. Девушка со вздохом села на ступеньки у дороги. Теперь она действительно чувствовала усталость – изнеможение от поражения.

Она поставила фонарик на землю, свеча внутри качнулась и тоже погасла. Гун Цзышан пробормотала:

– Последний фонарь тоже погас... Цзинь Фань теперь точно меня не найдет...

Переулок был намного темнее ярко освещенной улицы. Двое молодых господ с фонарями проходили мимо и заметили сидящую в одиночестве Гун Цзышан. Один из них сказал:

– Как печально выглядит эта девушка.

Другой спросил:

– Барышня, вы разлучились со своими спутниками? Может, пойдете с нами смотреть на фонари? – В его голосе слышалась откровенная развязность.

Не успел он договорить, как раздался звук вынимаемого из ножен меча. Вспыхнула полоска стали – и фонари в руках молодых людей были перерублены надвое и упали на землю.

Цзинь Фань неизвестно когда появился перед Гун Цзышан. Он не сказал ни слова, но убийственный холод его взгляда и исходящая от него сила заставили обоих молодых людей задрожать.

Один из них пробормотал:

– Уходим... уходим...

Другой хотел было поднять фонарь, но первый уже потянул его за руку, и они поспешно убежали.

Гун Цзышан резко вскочила и громко рассмеялась:

– Цзинь Фань! Ты все-таки нашел меня! Как там говорилось в той строке? Что-то про суженого... и про огни в сумерках...

Цзинь Фань вздохнул:

– Вы правда...

Но Гун Цзышан уже захлестнула радость:

– Судьба, предначертанная Небесами! Ай-я, жаль только, что фонарей больше нет!

Цзинь Фань немного помедлил, а затем вынул из-за пазу-

хи маленький плетеный фонарик из бамбука и протянул ей. Фонарик был размером с кулак, сплетенный из тонких бамбуковых полосок, обтянутый прозрачной бумагой, а внутри мерцали светлячки.

Гун Цзышан изумленно сказала:

– Светлячки... Ты сам их поймал? Когда ты успел тайком приготовить мне подарок?

Цзинь Фань честно указал в сторону:

– Вон там продают. Десять медных монет за один.

Гун Цзышан все равно была счастлива. Она вертела в руках фонарик со светлячками и пробормотала:

– Ты впервые даришь мне что-то...

Цзинь Фань нарочно прикинулся дурачком и, развернувшись, пошел прочь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.